

Указательный палец Мин Си Сина уже начал набухать и становиться фиолетовым. Сяо Фэн У поднял серебряную иглу и уколол кончик пальца, до самого конца, пока не была введена большая часть иглы. Лицо стоявшей рядом служанки скривилось от увиденного, как будто ее рука тоже испытывала боль.

В тот момент, когда серебряная игла была выдернута, было видно, что головка иглы почернела.<sup>1</sup>

Сяо Фэн У переключился на маленький нож и сделал небольшую ранку на пальце Мин Си Син. Он надавил, и через некоторое время вытекло немного крови; она была черной и липкой, прилипла к пальцу и не двигалась. Сяо Фэн У вытер ее носовым платком и продолжил надавливать, пока наконец не увидел, что вытекает кровь более нормального красноватого оттенка.

Мин Шань Шань задействовал всех слуг своей семьи во всем поместье, и вскоре порошок и паста были готовы. Сяо Фэн У вытащил все 36 игл, воткнутых в тело Мин Си Сина, и дал команду слуге нанести лекарство:

"Покройте все его тело пастой, даже те места, где вскочили волдыри".

Его самого передернуло, и он прислонился спиной к столбику кровати, не решаясь посмотреть еще раз.

Любой человек испугался бы таких заразных болезней, поэтому, когда слуга намазывал лечебную пасту, он был очень настороже, не смея даже громко дышать. Вскоре черная паста растеклась по всему телу, и Мин Си Синь быстро покрылся черным налетом, не оставив ни одного участка, где бы его не было.

Сяо Фэн У открыл пакет с порошком и высыпал все в таз с горящим углем:

"Возьми это и держи под кроватью. Раздувай пламя, а также убедись, что в углах комнаты тоже есть тазик и веер. Температуру в этой комнате нужно поднять до максимума".

Они никогда не видели такого редкого метода лечения болезней, и хотя слугам это показалось странным, они выполнили его приказ. Каждый из них обдувал и обдувал, пока все они не вспотели. Сам Сяо Фэн У вышел из комнаты, лишь заглядывая внутрь через небольшое отверстие в одном из окон.

Из комнаты медленно выходил белый дым, такой тяжелый и густой, что у всех, кто находился рядом, из глаз текли слезы, как будто они стояли в горячей комнате. Старый лысый человек закрыл лицо рукавами и злобно посмотрел на Сяо Фэн У:

"Что за трюк ты вытворяешь! Ты играешь с человеческими жизнями?!"

Сяо Фэн У закатил глаза и насмешливо посмотрел на него:

"Закрой свой рот, ты, чье время уже давно прошло. Настоящий кровный родственник отца даже слова не сказал, так почему ты пытаешься притвориться его внуком. Что, не терпится поклониться предку?"

Лысый старик Янь Чэн был все еще достаточно известен, и у него было много учеников. Когда еще на него могли указать пальцем и накричать? Гнев немедленно взорвался в нем, да так сильно, что он чуть не потерял сознание.

Мин Шань Шань, у которого было немного терпения, не сказал ни слова, а только смотрел на дом.

Сяо Фэн У подошел к Цинь Мин Юэ и усадил его на пол. Не обращая внимания на то, что пол был грязным, он улегся напротив него, используя его ноги в качестве подушки. Закрыв глаза, он сказал:

"Когда рассветет, разбуди меня".

Цинь Мин Юэ отщипнул травинку и покрутил ее в пальцах, при этом он небрежно хмыкнул в знак благодарности.

Увидев это, лысый старик почувствовал еще большее отвращение:

"Бесстыдник!"

Услышав его, Цинь Мин Юэ поднял глаза и слегка приподнял уголки рта:

"Наша одежда еще даже не снята, как это может быть бесстыдным? Старик, ты же не можешь быть девственником? Сколько тебе лет? Пора бы уже этим заняться, а то некому будет возжигать для тебя благовония".<sup>2</sup>

Кто из тех, кто жил в трущобах, не говорил и не слышал ничего плохого? За те годы, что жил Цинь Мин Юэ, каких только ужасных изречений и слов он не пережил, чтобы бояться этого лысого старика.

Услышав их ссору, Сяо Фэн : повернул голову, чтобы подавить смех, и сказал Цинь Мин Юэ:

"Скажи, как ты думаешь, эти люди плохие или нет? Всегда указывают на такие вещи. Мы все могли бы быть в тепле и под одеялом".

Цинь Мин Юэ посмотрел на него и мрачно сказал:

"Ты ничем не лучше их".

Сяо Фэн У беззаботно прижималась к нему все ближе и ближе:

"Если я не плохой, тебе это не понравится".

Утренний свет был уже не за горами, и издали доносились звуки утреннего звона. В комнате было жарче, чем в дымящейся корзине, волны слуг сменялись снова и снова, но Мин Си Синь не подавал признаков пробуждения.

Мин Шан Шань ходил взад-вперед по двору, явно охваченный разочарованием и волнением. Время от времени он поглядывал на Сяо Фэн У с мрачным лицом. Увидев, что по краям неба забрезжил слабый свет, сердце Цинь Мин Юэ заколотилось, и он стал трясти проснувшегося Сяо Фэн У.

"Просыпайся, просыпайся. Скоро наступит утро".

Сяо Фэн У не погрузился в глубокий сон, и на его зов он открыл глаза и облегченно вздохнул, прежде чем подняться с пола. Цинь Мин Юэ смахнула грязь и пыль с его одежды:

"Иди внутрь и проверь их. Комната вот-вот закипит от дыма. Не позволяйте ничему испортить его сейчас".

Сяо Фэн У только ответил:

"Подожди меня здесь".

Пожилой лысый мужчина Ли Си Моу, который взял на себя роль лидера, находился посреди толпы врачей, и все они следили за каждым движением Сяо Фэн У, и на это они только качали головами и хихикали:

"Молодой человек, не говорите таких возмутительных слов и не уличайте себя". Утро уже наступило, и петухи вот-вот прокричат".

Сяо Фэн У проигнорировал их и толкнул дверь, чтобы войти. Густые потоки тепла донесли до них, когда они увидели четырех слуг мужского пола, обмахивающих спины веером, все они сильно потели, как будто только что вылезли из воды.

Мин Си Синь лежал на кровати и никак не реагировал на происходящее. Черная паста на его

теле уже высохла и потрескалась. При малейшем прикосновении они падали вниз. Сяо Фэн У взял белый носовой платок, вытер остатки лекарства на запястье Мин Си Сина и с закрытыми глазами померил пульс. Через некоторое время он открыл их и воткнул иглу прямо в среднее пространство между глазами и горлом Мин Си Сина:

"Продолжайте раздувать, пока все остатки лекарства не сгорят начисто".

И затем не ушел, а нашел неподалеку место, чтобы присесть. Он прислонился к стулу и закрыл глаза, чтобы восстановить силы, его пальцы ритмично постукивали по коленям.

Время медленно утекало, когда небо начало открывать свои двери. Темнота ночи начала рассеиваться, и свет начал пробиваться из-под облаков. Большой петух, которого выращивали за кухней семьи Мин, вытянул шею, и его громкий крик привлек всеобщее внимание.

Отличительной особенностью было то, что лысый старик был очень взволнован, в то время как Цинь Мин Юэ был встревожен. Лицо Мин Шань Шаня было в очень плохом настроении, а из щели окна он видел, что Мин Си Син не двигался, а Сяо Фэн У, казалось, спал на стуле. Наконец, его гнев не выдержал, и он толкнул дверь, оставив всех позади себя.

Воздух яркого и раннего утра был холодным, и когда дверь внезапно распахнулась, ворвался порыв холодного ветра, заставив всех потных слуг чихнуть. С головы Сяо Фэн У тоже капал пот от жары, и он неторопливо вытирал пот носовым платком, выглядя совершенно невозмутимым.

Зубы Мин Шань Шаня чуть не разлетелись на куски от того, что он скрежетал ими. Он с ненавистью произнес,

"Сяо Фэн У...!"

Сяо Фэн У все еще не спешил:

"Вот."

Лысый старик мрачно рассмеялся:

"Шарлатаны могут навредить другим. Минь Лао-е, что ты делаешь, разговариваешь с таким сумасшедшим. Просто свяжи его и отправь в тюрьму".

Все слуги, дежурившие снаружи, подошли к окнам и наблюдали за происходящим, когда Сяо Фэн У открыл глаза и встал со стула. Затем он сказал лысому старику:

"Я действительно хочу отрезать тебе язык. Ты еще более надоедливый, чем любая старая стервозная баба".

В ответ лысый старик издевательски рассмеялся:

"Пытаешься бороться даже со своей приближающейся смертью! Я не буду спорить с тем, кто скоро умрет".

Сяо Фэн У поднял халат и сел на кровать, а затем померил пульс Мин Си Сина и выщипал серебряную иглу между бровями. Когда он уже собирался вынуть иглу из горла, то по какой-то причине закрыл глаза и задумался, а потом вдруг улыбнулся и закрыл глаза:

"Хох, у меня руки трясутся. Ли Си Му, как насчет того, чтобы ты подошел и вырвал эту иглу, а?".

Ли Си Моу был лысым стариком, и он сначала удивился, а потом не смог удержаться от смеха:

"Ты сам не можешь вылечить его, и ты даже хочешь заманить в ловушку этого старшего врача? Подумай еще раз в своих мечтах".

Несколько стариков позади него тоже засмеялись в ответ, но, увидев лицо Мин Шань Шаня, быстро затихли.

Сяо Фэн У похлопал себя по коленям:

"Ли Си Моу, чего ты боишься? Он просто отщипнет эту иглу, и никого не убьет. Как насчет этого, если он умрет, это будет на моей совести. На тебя ответственность не ляжет".

Ли Си Моу все еще чувствовал, что это ловушка, и не решался принять его предложение, но Мин Шан Шань остановил все другие ответы, подтолкнув его вперед и сказав:

"Выгащи!"

Ли Си Моу был главным врачом Цянь Цзинь Тана семьи Мин, и когда его держали за воротник, он вскрикнул от боли, но не посмел послушаться. Этот ублюдок Сяо Фэн У последовал за ним и поднялся, вытирая пыль с рукавов и улыбаясь, он отвесил короткий поклон и отошел в сторону:

"Пожалуйста, все ваши".

Горло было особой областью, где можно было определить смерть человека. Если бы была хоть малейшая ошибка, это могло бы лишить жизни. Ли Си Му успокоил себя и без колебаний быстро выдернул серебряную иглу. Не прошло и мгновения, как Мин Си Синь, который все еще лежал на кровати и выглядел совершенно мертвым, вдруг открыл глаза и выплюнул свернувшуюся каплю густой черной крови. Совершенно не ожидая этого, кровь брызнула на лицо Ли Си Му, и он тут же застыл на месте.

Мин Си Синь откинулся на край кровати, безостановочно кашляя. От его резких движений паста на его теле потрескалась и отвалилась, снова обнажив плоть. Большинство волдырей и сыпи исчезли, и Мин Шань Шань, как мог, радовался, толкаясь вперед:

"Сынок! Наконец-то ты очнулся!"

Кровь, которую изверг Мин Си Синь, была ядовитой, и от нее нестерпимо воняло. Увидев расширенные глаза Ли Си Моу и его неровное биение в груди, словно у квакающей жабы, Сяо Фэн У громко рассмеялся и, стукнув дверью, вышел из комнаты.

Цинь Мин Юэ не смог пробраться ближе в толпе, но он видел все через окно. Увидев это, его сердце успокоилось, и он вздохнул с облегчением. Он сказал Сяо Фэн У:

"Если вы закончили, то пойдете. Еще секунда, и мое сердце все еще будет чувствовать себя как на канате".

Глаза Сяо Фэн У заблестели от его слов, он медленно наклонился и неожиданно громко поцеловал его в щеку. Цинь Мин Юэ испугался, но единственным ответом Сяо Фэн У было то, что он прислонился к двери и медленно покачал головой:

"Если мы уйдем сейчас, то многое потеряем. Не стоит торопиться".

Лицо Цинь Мин Юэ все еще казалось онемевшим, и он прикрыл бока руками. После секундного шока он бросил взгляд на Сяо Фэн У, а затем фальшиво улыбнулся ему и встал рядом с ним, не издавая больше ни звука.

Первым из комнаты вышел врач Шэнь, который был единственным, кто не стал утверждать, что болезнь - это колдовство. Вдоволь насмотревшись на драму, он хо-хотнул, выходя с лекарственной сумкой на плечах, и почтительно поприветствовал Сяо Фэн У:

"Воистину, новое поколение сильнее предыдущего. Сяо Гун-цзы, ты великолепен в свои юные годы, настолько, что этот старый врач может только восхищаться. Я должен смело спросить, что это за болезнь, о которой никто не слышал и не видел?"

"Это сыпь красного лотоса, о которой я раньше слышал только от старших дома. Обычные люди никогда бы не заразились такими болезнями, на самом деле это семья Мин имеет все это благословение."

Не упуская шанса, Сяо Фэн У тонко оскорбил его комплиментами, а затем поприветствовал врача Шэнь:

"Пожалуйста, уходите медленно".

Врач Шэнь потянулся:

"Конечно, конечно".

Другой старик хотел последовать за ним и сделать вид, что все в порядке, но тут длинная нога Сяо Фэн У потянулась вверх и заблокировала дверь. Он улыбнулся старику и не сказал больше ни слова, пока тот не смутился. Цинь Мин Юэ поднял брови и напомнил ему:

"Чего ты там стоишь? Поприветствуй своего предка".

Почти забыл об этом моменте.

В руках у Сяо Фэн У была кирпичная плита, и он жонглировал ею:

"Если ты не хочешь приветствовать, это тоже хорошо. Просто позволь мне ударить тебя один раз, и все пройдет".

Другой резко вдохнул, Сяо Фэн У, этот злобный мальчишка, ударив его кирпичом, остался бы он жив?

Выбирая между лицом и жизнью, старик немного колебался, но потом быстро выбрал последнее. Прикрыв лицо рукавами, он поднял руки в почтительном поклоне и сказал:

"Ученик Кан Чжи Мин, почтительно приветствую своего великого старого господина".

Сяо Фэн У опустил ногу и слегка наклонил подбородок:

"Хм, вы можете идти".

С таким человеком во главе, остальные не стали ничего отрицать, особенно с кирпичом в руках Сяо Фэн У, который был брошен так непринужденно. Все врачи послушно выстроились в ряд и заняли свою сторону в споре.

"Ученик Гун Сунь Ци, почтительно приветствует своего великого старого мастера".

"Ученик Фань Юн, почтительно приветствует своего великого старого господина".

"Ученик Сунь Шао Цзу, почтительно приветствую его великого старого господина".

Все слуги семьи Мин сгрудились вместе, наблюдая за этим странным зрелищем, которое

трудно будет увидеть даже через сто лет. Группа старых, пожилых мужчин почтительно кланялась молодому человеку, младший приветствовал старшего, все провозглашали его своим предком, своим господином.

Единственным, кто не двигался с места, был Ли Си Му. Его лицо потемнело, кровь с лица уже смыли. Его усы подергивались даже в отсутствие ветра, и он холодно сказал:

"Этот старый лекарь предпочел бы получить кирпичом по голове".

Сяо Фэн У опустил глаза и ответил:

"Правда?"

Ли Си Моу сказал: "Естественно".

"Па...!"

Как только он ответил, Сяо Фэн У без колебаний ударил кирпичом. Кирпич упал на пол на две части, и, без сомнения, тело Ли Си Моу вздрогнуло, а затем упало на пол с большим грохотом.

Сяо Фэн Ву вытер руки:

"Ты действительно думаешь, что я не посмею ударить тебя?"

Примечания:

\* 1 Если вы тот, кто увлекается мелодрамами или историческими жанрами (особенно императорским дворцом и борьбой за трон), вы, возможно, видели общий троп (?) Или сцену, где кто-то проверяет яд серебряной иглой (акупунктура), и если кончик ее приходит черный, он отравлен. Согласно источникам в Интернете, это связано в основном с вещами, в которых много сульфида / полисульфида (который на самом деле не проверяет, отравлен ли он), но поскольку в то время не так много известно с научной точки зрения, причина, по которой его можно считать ядом, заключается в том, что это может проверить на мышьяк (поскольку большинство вещей не было создано с сульфидом / полисульфидом тогда, с небольшим количеством, которое было там в составе мышьяка, серебряные иглы реагируют и, таким образом, вызывают вывод "яда").

Очевидно, что было намного больше разных вещей, которые могут вызвать реакцию (например, яичные желтки, по-видимому), но большинство других способов отравления не делали то же самое, так что это не очень хороший тест, но, по-видимому, был очень популярен в этом использовании.

\*2 Зажигание ладана упоминалось в этой сноске в томе 2.

<http://bllate.org/book/17367/1629050>